

29.07.2010

Особенности национальной жары, или смерть осьминога Пауля

в новом рассказе Юрия Лужкова
для газеты «Московский Комсомолец»

Лето текущего, 2010 года навсегда запомнится гражданам и учреждениям дикой, до расплавления мозгов и асфальта, африканской жарой, навалившейся на Россию. Хорошего в такой тепловой аномалии мало, но заметим, что именно в результате жары приключились по всему свету и в нашем отечестве разные чудеса, об одном из которых пойдет речь в этом рассказе.

РИСУНОК АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА

Аккурат посередине неширокой (но не такой уж и узкой) костромской речки стояла на двух якорьках, чтобы не вертело течением, дюралюминиевая рыбацкая “Казанка” с мотором. Экипаж ее составляли два московских отпускника из числа тех, кто из года в год ездит не на южные курорты, а в заветные костромские места. Тут у рыбаков были знакомые издавна гостеприимные местные семьи, проживающие в прохладных домах, где можно спать на сеновале и в ус не дуть.

После нескольких наездов такие места бывают обыкновенно овеяны легендами насчет рыбацкого и охотничьего фарта.

Когда-то, в относительно молодые годы, отпускники похаживали после вечерней дойки на колхозную ферму попить парного молочка и завязать отпускные амуры со смешливыми доярками, но с того времени и ферма закрылась, и доярки куда-то все исчезли. Остались лишь кое-какие приятные грешные воспоминания, но, читатель, кто по молодому делу без греха...

Эти люди — Борис Трифонович и Семён Сергеевич — ровесники в районе около пятидесяти лет, служили на невысоких постах в столичном министерстве, дружили семьями, болели летом за футбол, зимой за хоккей. Вместе брали отпуск, вместе когда-то охотились, но с годами девальвировались в звании до рыбаков. Как водится, совместный отдых часто превращался в бесконечный диспут, большей частью по исключительно пустяковым темам, что на самом деле и требовалось уставшим от бумажной рутины мозгам.

Известно, спорить русский человек горазд неимоверно и в споре достигает такого накала принципиальности, что прибегает даже к рукоприкладству, но до этой критической стадии между Борисом Трифоновичем и Семёном Сергеевичем давно уже не доходило. Такое бывало раньше, но ведь кто старое помянет, тому глаз вон. Хотя, как его забудешь, это старое, если оно вечно актуальное?

Когда-то они любили жарко дискутировать и по многу часов митинговать на Манежной площади, зачитывались свободной прессой, но со временем стали консерваторами, придя к трезвому выводу, что зря, пожалуй, топтали Манежную. Не за того, кажись, горло драли.

В разные годы они спорили о разном, но всегда горячо, до саднящей даже обиды, до твердого, раз навсегда, обоюдного решения никогда больше не то что в отпуск — на мирный дачный шашлык не съезжаться.

Мирились к вечеру, у котелка с ухой под стопку—другую водки, охлажденной в ключевом холоде. Блаженствовали. Дурманными, сладкими летними ночами видели они сны про постылое, но все же родное министерство. Про куртуазную

любовь к озорным дояркам почему-то вот не снилось даже и на отдыхе в скромном костромском раю.

В связи с этим печальным обстоятельством оба подумывали бросить курить. Покуда же, отдыхать так отдыхать, смолили в лодке толстые вонючие сигареты и собачились насчет гениального осьминога Пауля, который с немецкой педантичностью, даром что из тропических морей, предсказывал результаты игр чемпионата мира по футболу.

— Это же идиотизм, Боря, — горячился Семён Сергеевич. — Какая-то тварь в аквариуме якобы знает наперед, чья победа. Тут без разных штучек-дрючек не обходится, поверь на слово. Развели, понимаешь, хиромантию. Знаешь, какие бабки на тотализаторах делаются?

— Я бы сыграл, — отвечал Борис Трифонович, — но у меня нет возможности лично скормить Паулю устрицу. Без присутствия прессы.

— Ты знаешь, — спрашивал Семён Сергеевич, — почему эта премудрая тварь не ошибается?

— Почему?

— Потому что в прохладной воде его держат. В такую жару ему самый кайф. У него мозгов прибавляется, — солидно молвил Семён Сергеевич. — Я бы его, гада, сварил и съел.

— А ты осьминога пробовал?

— Большого нет.

— И не советую. Как вареная кроссовка.

— Да ничего, осилил бы. Если, к примеру, его, гада, присолить, да поперчить, да под соевый соус, да под это самое, то я бы смог.

— Под это самое, а давай, кстати, сообразим, раз не клюет, — под это самое лучше селедочка, да малосольный огурчик, да чесночная греночка.

— А после этой греночки стать возле дамочки в троллейбусе, — засмеялся Борис Трифонович, — и сделать энергичный глубокий выдох.

— Ты не романтик, Трифоныч, — огорченно заметил Семён Сергеевич.

— Нет, Сергеич, не романтик, — легко согласился Борис Трифонович. — Я, как и ты, человек скучный, но умный. Я против предрассудков и в чудеса не верю принципиально. Их не бывает ни в жизни, ни в живой природе. Давай примем, товарищ.

— А давай!

Приняли. Повторили. Как-то даже им захорошело.

— Ты вот говоришь, Пауль — чудо. А чудес, повторяю для неменяемых, не бывает. Чудеса все окончательно повывели. Чудо не рыночное понятие, — рассудительно повел речь Семён Сергеевич.

В рассудительности этой, правда, чуткий слух расслышал бы первые раскаты близкого яростного спора, но тут что-то во внезапно изменившемся облике Бориса Трифоновича повергло Семёна Сергеевича сперва в сильное изумление, а потом и в неподдельный страх. Ему подумалось, что друга внезапно хватил тепловой удар, а то и что похуже.

Борис Трифонович багряно покраснел, поднял над лодкой трясущийся

указующий перст и сказал, сильно заикаясь, чего за ним раньше никогда не водилось:

— Чу-чу-чудес не б-б-бывает? П-п-посмотри!

Семён Сергеевич повернулся и увидел нечто невероятное: из кустов на низком левом берегу речки вышел громадный лось с неимоверно большими развесистыми рогами, вошел в воду и поплыл напрямик к лодке. Рога его при этом были похожи на кряжистый могучий куст, плывущий почему-то по реке.

Борис Трифонович пришел в себя, и оба приятеля вмиг почувствовали себя не неудачливыми рыбаками, а удалыми охотниками. Добытчиками. Мужиками, иначе говоря.

— Так! Капроновый трос у нас есть. Молоток есть. Только подплывет, ты его, Сеня, со всей силы молотком промеж рогов. Поднимай якоря! Сейчас я его заарканю!

Оживший Борис Трифонович в мгновение ока изготовил из бухточки капронового троса лассо с большой петлей, как заправский ковбой крутанул его залихватски над головой (причем ощутимо качнулось его кругленькое пузцо) и стал подманивать лося:

— Давай сюда, сохатый! Не бойсь, мы безоружные.

Лось и не собирался бояться. Течение сносило его прямо к лодке, причем лось явно наслаждался купанием и что-то меланхолично жевал толстыми губищами.

Неимоверный азарт охватил работников министерства. Семён Сергеевич встал в боевую позу, поигрывая тяжеленьким молотком и издали примериваясь, в какую точку огромной лосиной башки нанести единственный удар.

— Ну, Сергеич, не подведи! — вскрикнул по-боевому Борис Трифонович. — Не промахнись, Асунта!

— Кидай аркан! — завопил Семён Сергеевич, присовокупив к ковбойскому кличу русский идиоматический оборот. — Кидай, Борька!

Лассо, как положено в таких острых сюжетах, свистнуло над их бедовыми головами и после мощного, изо всех сил рывка плотно стянулось вокруг основания кустистых лосиных рогов.

— Заводи мотор, гони к берегу! — заполошно орал Борис Трифонович. — Нас не догонишь!

Семён Сергеевич дернул было за заводной шнур старого, советского еще разлива, восьмисильного “Ветерка”, мгновенно вспомнив по странной ассоциации про чудесного осьминога Пауля, а Борис Трифонович между тем сноровисто привязал канатик за скобу на носу “Казанки”.

Мотор не завелся, но это и не требовалось, потому что лось, преодолев тяжелое недоумение и нащупав длинными ногами близкое дно, вдруг потащил лодку, как могучий буксир, обратно к пологому левому берегу.

Разваливая воду могучей грудью на две порядочные волны, лось внезапно остановился, повернулся с невероятной быстротой к лодке и двинулся напрямиком на добытчиков, нацелив на них свой могучий роговой куст.

— Ахтунг, Трифоныч!

— Полундра, Сергеич!

Семён Сергеевич размахнулся напоследок и бросил, метя в лосиную башку, свой, по-детски легонький, как ему теперь показалось, молоток.

Бросок вышел не очень меткий, но лося почему-то не понравился. Скосив

влажный глаз на булькнувший рядом молоток, лось рванул лодку с такой силой, что приятели разом очутились в воде.

По какой-то причине она показалась им ледяной, сковала движения, и они увидели, что лось с могучей грацией тяжеловоза вытащил лодку на берег и без задержки потащил ее напрямик в заросли.

“Казанка” оставляла за собой вдавленный в песок след и скоро исчезла из поля зрения. По пути ее сухопутного маршрута долго еще тяжело мотались и трещали кусты, но постепенно шум погас в лесной глубине.

Выбравшись на мелководье, приятели побоялись поначалу идти искать лодку, рассудив, что лось, видать, попался какой-то ненормальный, а может, от жары сбесился. Было острое чувство, что он может неожиданно вернуться, и тогда Сёме и Боре мало, конечно, не покажется.

Через немалое время вновь обретенное мужество подвигло их на поиски “Казанки”. Не глядя почему-то друг на друга, они пошли по лодочному следу через кусты в лес и примерно через полкилометра нашли искореженную, помятую лодку, посмотрев на которую оба одновременно подумали: убитая.

Со скобы свисал обрывок капронового канатика. Мотора в лодке не было.

— Он его на рогах унес, — мрачно пошутил Семён Сергеевич.

— Ага. По лесу кататься будет, на лодочном моторе, — поддержал юмор Борис Трифонович.

Потом они здраво рассудили, что мотор, наверное, утонул на месте битвы.

Обсохнув, так до конца и не успокоившись, перебудораженные до глубины души, друзья пошли к реке, сняли штаны с рубашками и стали нырять, отыскивая

“Ветерок” на песчаном дне. При этом огромный рак — своего рода речной подводный лось — тяпнул мощной клешней Бориса Трифоновича за указательный палец.

Борис Трифонович вынырнул и завопил в голос:

— Да что б тебя, проклятого, разорвало!

— Кого? — собрался обидеться на друга Семён Сергеевич. — Это ты в мой адрес такое говоришь? После совместно перенесенных испытаний?

— Нет в тебе полета, Сема, — сказал Борис Трифонович. — Это я в адрес Пауля говорю.

— При чем тут Пауль?

— Да я сейчас его поймал на глубинке. Я ему, гаду, щупальца сейчас оторвал.

— Все? — спросил Семён Сергеевич.

— Все восемь, — серьезно ответил Борис Трифонович. — Я пересчитал.

В это самое время в лесной глуши лось с наслаждением терся боком о шершавый ствол векового дуба, издавая при этом приглушенные стоны.

Не знали рыбаки, что есть такая охота на лося, которая называется “на реву” (не в летний сезон, само собой), как не знали, что есть охота на медведя “на овсах”, а на кабана — “на потравах”.

Знали бы — и рассказ бы вышел совсем другой.

А дальний рев матерого зверя они посчитали за лосиный смех — и, по-моему, не ошиблись.

...Легко себе представить, какое недоумение охватывает теперь грибников и прочих любителей лесных прогулок, когда в глухой чащобе находят они эту самую лодку и никак не могут ответить на непременно возникающий вопрос: какая нечеловеческая сила занесла сюда это несчастное плавсредство?

Если же мы, читатель, заглянем в будущее, то, надо думать, заниматься этой древней “Казанкой” будут уже археологи и знатоки старины.

Но даже и им при предполагаемом невиданном развитии исторической науки тоже не удастся понять, что же приключилось с лодкой в костромском лесу летом далекого, 2010 года.

Тем летом, которое запомнилось нашим современникам невероятной жарой, а моим незадачливым героям неожиданной встречей с матерым лосем аккурат посередине костромской реки.